

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА.

реди постоянно повторяющихся людскихъ разнообразностей съ однородными качествами и съ однообразнымъ направлениемъ способностей нарядка встрѣчаются характеры, не укладывающіеся ни въ какія опредѣленныя рамки. Такого рода характерамъ чуждъ укладъ мирной жизни. Въ нихъ непрерывно бурлитъ и клокочетъ энергія: безпокойные по своей природѣ, они чуждаются методическаго труда, какъ чего то коснаго, мертваго, расслабляющаго. Въ стремительномъ бѣгѣ кипучей жизни они получаютъ иллюзію, что существованіе нескончаемо и время остановилось. Къ такимъ характерамъ принадлежитъ Александръ Бенуа.

Въ немъ совмѣщается безконечный рядъ пристрастій всѣхъ отѣнковъ. Къ нему приложимо названіе коллекціонера въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Страсть къ старымъ и новымъ картинамъ, рисункамъ, гравюрамъ, книгамъ и, вообще, ко всякаго рода вещамъ, которыя у него нагромождаются въ подавляющемъ количествѣ и заполняютъ стѣны, столы, шкафы, картоны и въ то же время, что удивительнѣе всего, нисколько не носятъ характера случайно нагроможденныхъ предметовъ. Кто хоть разъ видалъ обстановку

Бенуа, тотъ не можетъ не быть пораженъ тому, какъ уживаются рядомъ съ Пуссеномъ Люсьентъ Симонъ, рядомъ съ дивными рисунками Гварди, Тьсполо, Меріана — Леонъ Фредерикъ и архирусскіе акварели Стеллецкаго. Тутъ же груды дѣтскихъ игрушекъ и всевозможныхъ бездѣлицъ, первоклассныхъ вещей и вещей совершенно второстепенныхъ, — каждый предметъ въ въ общемъ ансамблѣ представляется необходимымъ, и всѣ предметы вообще живутъ стройной гармоничной жизнью, такъ что, несмотря на кажущійся хаосъ, чувствуется во всемъ свой особый порядокъ. Безъ малѣйшаго предмета быть былъ бы нарушенъ и жизнь была бы неполна. Отношеніе Бенуа къ своей обстановкѣ всегда вызываетъ у меня въ памяти слова очаровательной „*Poème intime*“ Абеля Боннара:

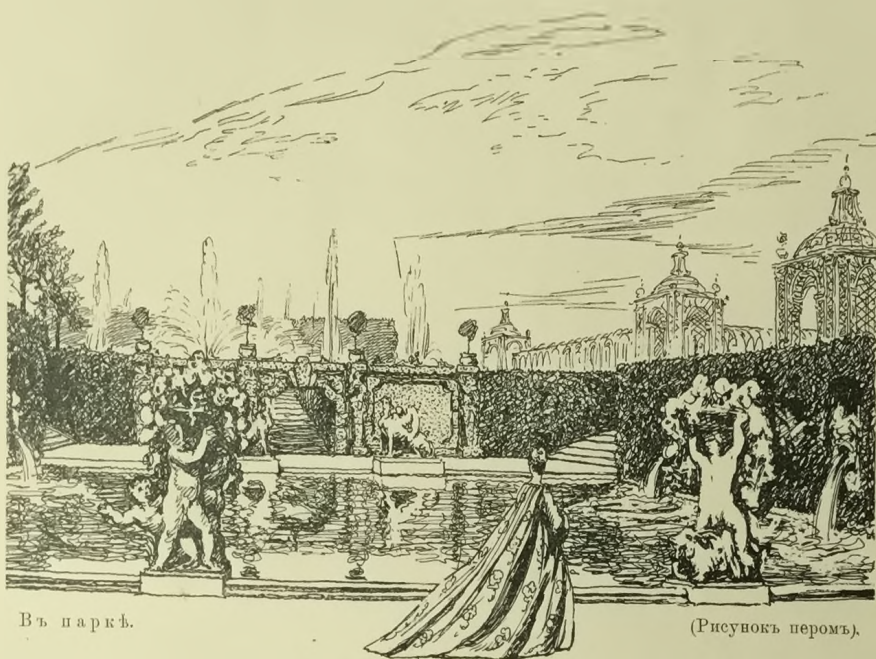
Nous voyons la pendule et les cadres honnêtes
Et l'encrier de bronze, à la fois noir et roux;
Tous ces pauvres objets sont nos humbles planètes;
C'est pour être éclairés qu'ils se tournent vers nous.

.....
Nous ne voudrions plus échanger contre d'autres
Ces vases de cristal, ces vieux miroirs éteints,
Et les tableaux du mur sont tellement les nôtres
Qu'il nous semble, à la fin, que nous les avons peints.

.....
Nous sommes les bergers de ce qui nous entoure.
Sachons-le, près de nous vit tout un peuple étroit,
Doux, soumis, attendant qu'on l'aime et le secoure,
Et l'on ne peut pas être homme sans être roi¹⁾.

Основная стихія Бенуа — строительство. Все, что заключаетъ въ себѣ широкій декоративный замыселъ, будь это въ строгомъ смыслѣ архитектурный чертежъ, стѣнная роспись, рисунокъ для вазы, для камина, или проектъ пышной триумфальной арки, фонтана — вообще, все то, въ чемъ есть остроуміе исполненія и живость изобрѣтенія, составляютъ его личную страсть:

¹⁾ Передъ нами стѣнные часы и строгія рамы и бронзовая чернилица одновременно черная и красная — всѣ эти небогатые предметы — наши скромныя планеты — для того, чтобы быть освѣщенными, онѣ движутся вокругъ насъ... Мы ни за что не хотѣли бы промѣнять ни на какія другія хрустальныя вазы, старинныя потускнѣвшія зеркала, и картины по стѣнамъ, настолько наши, что въ концѣ концовъ кажется, что мы ихъ сами написали. Мы — пастухи окружающихъ насъ предметовъ. Необходимо постоянно помнить, что возлѣ насъ живетъ цѣлый народъ безпомощный, тихій, покорный, ожидающій, чтобы его любили и помогали ему, потому что невозможно быть человѣкомъ и не быть въ то же время королемъ.

Въ паркѣ.

(Рисунокъ перомъ).

это то, чему онъ преданъ всецѣло. И эта страсть не узко кабинетнаго характера, его любовь распространяется въ необычайной мѣрѣ и на мѣстности, въ которыхъ выразился наиболѣе полно декоративный геній человѣка. Онъ одинаково любитъ римскія виллы, версальскіе сады, каналы и площади Венеціи (впрочемъ, съ этимъ несравненнымъ городомъ у него еще связаны и семейныя родовыя воспоминанія), готическіе соборы, созданія декоративнаго генія византійцевъ, не говоря уже о декораторахъ-архитекторахъ и живописцахъ поры Возрожденія, словомъ, все, съ чѣмъ связаны грандіозность и значительность впечатлѣнія, находитъ въ немъ страстнаго поклонника. И кромѣ того, какъ дополненіе, какъ особенность характера: каждый предметъ или совокупность предметовъ окрашиваются у него въ особый сильно выраженный оттѣнокъ и имѣютъ для него, пользуясь счастливымъ выраженіемъ Стендаля, „захватывающій драматическій смыслъ“ (*l'attrait dramatique*), такъ какъ, благодаря своей необъятной памяти, Бенуа переживаетъ и связываетъ съ каждой исторической мѣстностью и съ каждымъ памятникомъ цѣлый циклъ событій прошлаго. Оттого и разлитъ такой тонкій оттѣнокъ грусти на его пышныхъ заколдованныхъ въ своемъ снѣ массахъ деревьевъ Версаля и въ великолѣпно выхваченныхъ кускахъ садовъ Тиволи, Ораніен-

баума и Петергофа, равно какъ и въ композиціяхъ, которыя онъ черпаетъ изъ своего неистощимаго воображенія.

Въ реальной жизни эта страсть къ строительству выражается въ увлеченіи театромъ. Оттого ли, что театръ болѣе всего близокъ къ фантасмагоріи и сказочному, гдѣ такъ часто дѣйствительность соприкасается съ міромъ фантастическимъ, или же оттого, что ни въ какомъ другомъ дѣлѣ не можетъ быть вложено и осуществлено въ большей мѣрѣ и сравнительно съ малой затратой времени стремленія къ широкимъ массамъ, какъ только въ приложеніи творчески-декоративныхъ способностей къ театру—этому волшебному міру Бенуа преданъ съ юныхъ лѣтъ. Зная это, становится понятнымъ его культъ Джуліо Романо, Лепотра, Ватто, семьи Бибиентъ, Пиранези, Гварди и другихъ мастеровъ, близкихъ театру или же налагающихъ на явленія дѣйствительной жизни отблескъ театральнаго, фантастическаго. Это его *личное* искусство, его *личное* влеченіе—то, чему онъ преданъ всецѣло. Въ другихъ областяхъ искусства онъ можетъ взыщивать и цѣнить совершенно хладнокровно, какъ коллекціонеръ, по всей справедливости ту или иную манеру, тотъ или иной родъ искусства независимо отъ времени и школы, но проявленіе чистаго восторга онъ хранить для великихъ мастеровъ декоративнаго искусства.

Всѣ кажущіяся противорѣчія характера Бенуа—результатъ чрезвычайно сложной духовной жизни: скептицизмъ совмѣщается въ немъ съ самой фантастической вѣрой, строго логическая мысль мирится съ крайними парадоксами. Но больше всего что поражаетъ въ его характерѣ тѣхъ, кто близко его знаетъ, такъ это его страстное любопытство, желаніе все знать, все видѣть. По его мнѣнію, для правильной оцѣнки каждой личности и личности художника въ особенности необходимо, если не знать, то по крайней мѣрѣ угадывать интимную сторону жизни. Необыкновенно усложненная точка зрѣнія, трудно поддающаяся провѣркѣ, такъ какъ достаточно малѣйшаго колебанія—и предметъ выходитъ изъ предѣловъ фокуса. Бенуа и въ жизни остается такимъ же страстнымъ коллекціонеромъ, какъ и въ искусствѣ. Онъ съ готовностью принимаетъ любое явленіе, все равно, будетъ ли это самое прекрасное гармонически-стройное проявленіе человѣческихъ способностей или же образецъ невозможнаго уродства, лишь бы эти явленія носили на себѣ печать таланта и исключительной точки зрѣнія. Онъ все подмѣчаетъ, все видитъ. Такого рода вниманіе или, вѣрнѣе, лихорадочная жадность къ разнороднымъ фактамъ и вслѣдствіе этого необыкновенная наблюдательность скорѣе подѣлать большому романисту, чѣмъ живописцу.

Миръ однажды Н. Н. Ге сказалъ о Толстомъ: „У Льва Николаевича такъ развитъ слухъ, что, разговаривая съ кѣмъ нибудь, онъ можетъ слѣдить въ одно и то же время за разговоромъ своихъ сосѣдей и не одного или двухъ, а нѣсколькихъ лицъ за разъ“. Эта способность въ высокой мѣрѣ развитого слуха и наблюдательности остается у Бенуа почти безъ примѣненія. Не могу обойти молчаніемъ одну изъ выпуклыхъ особенностей характера Бенуа, стоящую въ явномъ противорѣчіи съ основными его свойствами: въ поэзіи и въ особенности въ музыкѣ художникъ любитъ и признаетъ исключительно лишь то, что звучитъ въ унисонъ съ его душевнымъ настроеніемъ. Здѣсь онъ перестаетъ быть коллекціонеромъ и становится нетерпимъ до крайнихъ предѣловъ.

Несмотря на живость своего темперамента и постоянную неудовлетворенность, въ немъ уживается въ сильной степени и желаніе уюта и покоя. Но это не есть покой инертный, покой слабыхъ. Желаніе это есть

Иллюстрація къ „Мѣдному всаднику“.

стреміе отыскать вѣрную, прочную точку опоры для того, чтобы съ болѣе-шей ясностью наблюдать за всѣмъ, что дѣлается вокругъ, безъ конца поглощать все, принимать участіе въ самыхъ сложныхъ и рискованныхъ комбинаціяхъ и въ то же время чувствовать себя въ вѣрномъ убѣжищѣ. C'est un grand plaisir de vivre en un siècle où il se passe de si grandes choses, pourvu que l'on puisse se mettre à couvert dans quelque petit coin, pour voir la comédie à son aise¹⁾.— Эта мысль гениальнаго Пуссена какъ нельзя болѣе выражаетъ одну изъ сторонъ настроенія Бенуа.

Еще одно драгоцѣнное свойство характера Бенуа — это его чуткость и отзывчивость къ художественнымъ явленіямъ во всемъ ихъ разнообразіи. Онъ надѣленъ той особой безпокойной чуткостью и неудовлетворенностью въ поискахъ художественныхъ путей, которыми руководить единственно только желаніе оцѣнить и признать каждое новое мало-мальски значительное явленіе. Въ силу этого необычайно рѣдкаго качества Бенуа съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ художественною совѣстью нашего времени. Быть можетъ, никогда не была болѣе трудной, какъ въ настоящее время въ Россіи, задача художественнаго критика. Кто у насъ сознательно относится къ искусству? Искусство — это область, гдѣ каждый прохожимецъ имѣетъ право судить вкривь и вкосъ о самыхъ дорогихъ для художника предметахъ, не имѣя къ нимъ ровно никакого отношенія. У насъ есть такіе „художественные критики“ (и они на виду у всѣхъ и съ ними приходится считаться), съ которыми самое мимолетное знакомство болѣе опасно, чѣмъ встрѣча съ разбойниками большой дороги, и которымъ, по настоящему, мѣсто въ Мертвомъ Домѣ, а они являются судьями труда художника и пользуются даже своего рода авторитетомъ, развращая и сбивая съ толку и безъ того невѣжественную и индифферентную къ искусству публику. И вотъ тутъ то и необходимо желѣзное умственное упорство Бенуа, его безстрашіе и высокая культурность, чтобы прямо или косвенно мѣткими ударами разить выползающихъ гадовъ. И это дѣло, надо сознаться, несоизмѣрно болѣе трудное, чѣмъ борьба св. Антонія съ дьяволами, такъ какъ отъ наплыва темныхъ силъ реальнаго міра крестное знаменіе, къ сожалѣнію, не дѣйствительно — необходимы иные болѣе сложные и трудные способы борьбы. Однако, Бенуа восторжествовалъ и не одинъ разъ, такъ какъ ему удалось, несмотря на всеобщее разложеніе эстетическихъ и этическихъ началъ, отвоевать идею гармоническаго въ ис-

¹⁾ Какое огромное удовольствіе жить въ эпоху, когда происходитъ столько великихъ событій; хорошо бы только укрыться въ какомъ нибудь укромномъ мѣстечкѣ, чтобы можно было разсматривать комедію въ свое полное удовольствіе.

Рисунокъ для азбуки.

Выходъ императрицы Екатерины II въ Царскомъ Селѣ.
(Эскизъ къ картинѣ, принадлежащей А. В. Касьянову. — Акварель).

Изъ цикла „Смерть“. (Акварель).

Изъ цикла „Смерть“.

Изъ цикла „Смерть“.

Рисунок карандашом.

кусствѣ, и мало того, что отвоєвать, но еще вдохнуть ей жизнь, дать плоть и кровь. И съ каждымъ днемъ сфера его благотворнаго вліянія расширяется все больше и больше.

* *

Искусство художника въ тѣсномъ смыслѣ слова есть отраженіе его быта, его обстановки. Чѣмъ бы онъ ни занимался, въ какихъ бы областяхъ ни вѣстать, какія бы задачи ни преслѣдовалъ, даже самыя отвѣченныя,—всегда окружающій бытъ на всемъ творествѣ художника будетъ просачиваться невольно. На всемъ творествѣ Велуа разлитъ отпечатокъ огромнаго запаса культурныхъ богатствъ. Глядя на его произведенія независимо отъ ихъ задачъ и мотивовъ, ясно сразу, что личная жизнь художника богата и сложна, и его культъ безконечнаго числа боговъ всѣхъ категорій независимо отъ того, большіе они или малые, нисколько не отдаляетъ его отъ цѣли. Онъ обладаетъ тайной всѣхъ примирять и къ каждой задачѣ подходитъ съ совершенно новой и въ то же время индивидуальной точки зрѣнія.

С. Яремичъ.

